

На текуція темы.

Импровизированные арабы и увеличение доходности.—На знаменах и въ дѣйствительности.—*Cui prodest?*—„Съ петербургскаго Синая“.—Злой геній современности и маленькая коллекція современныхъ анекдотовъ.—О безграмотности.—Невознаградимая затрата.

Львовскому университету,—тому самому, въ которомъ и профессора, и студенты больше блюдутъ, чтобы не потерпѣлъ ущерба польскій „*Stan posiadania*“, чѣмъ учатся,—грозитъ новая національная опасность. Опасность эта появилась съ той стороны, съ которой менѣе всего можно было ее ожидать: внезапно произошелъ наплывъ... арабовъ въ среду студенчества этого многострадальнаго университета¹⁾. Почему? Откуда? Зачѣмъ? *Quo modo? Quibus auxiliis?*—какъ говорили въ доброе старое время ученые люди. Въ самомъ дѣлѣ, совершенно nepocтижимо, гдѣ набралось въ Галичинѣ такое количество арабовъ, которое способно было бы вызвать патріотическій испугъ, создавъ опасность для польскаго „*Stan posiadania*“? А если это пришлый элементъ, то почему онъ возлюбилъ именно львовскій, въ научномъ отношеніи довольно бесплодный, чтобы не сказать болѣе, университетъ? Это одна изъ современныхъ загадокъ, разъясняющаяся только по нѣкоторомъ знакомствѣ съ національными отношеніями въ Галичинѣ и тѣмъ положеніемъ, которое такъ отстаиваетъ тамъ господствующая нація, въ своемъ націонализмѣ не уступающая слишкомъ знакомымъ намъ поборникамъ истинно-русской идеи.

Ларчикъ, въ сущности, открывается весьма незамысловато. Студенты львовскаго университета евреи обратились къ ректору съ заявленіемъ, чтобы ихъ записывали въ университетскихъ документахъ лицами еврейской національности. Повидимому, что можетъ быть естественнѣе такого желанія,—по крайней мѣрѣ у насъ, гдѣ патріоты своего отечества изловчились до седьмого колѣна распознавать еврейскую кровь, это незаконнѣйшее желаніе было бы ми-

¹⁾ „Рада“, 1912, № 65.

гомъ удовлетворено и евреевъ прекрасно бы разъяснили на основаніи процентной нормы. Но въ Австріи таковой, къ большому сожалѣнію патріотовъ австрійскаго отечества, не существуетъ. Существуетъ, наоборотъ, законъ, не признающій евреевъ отдѣльной націей, а милостиво предоставляющій имъ по желанію именоваться нѣмцами, чехами или поляками „іудейскаго исповѣданія“. И ректоръ-законникъ, конечно, отказалъ евреямъ въ правѣ именоваться евреями. Но такъ какъ въ Австріи никому не возбраняется именовать себя арабомъ, то евреи, протестуя противъ законнаго насилія ректора, начали записываться арабами, лишь бы избѣжать насильственного причисленія къ польской національности.

Импровизированнымъ арабамъ львовскаго университета удалось проломить націоналистическую стѣну и выйти на свободу, хотя и съ нѣкоторымъ ущербомъ, такъ какъ подъ чужимъ паспортомъ. При настойчивомъ желаніи это всегда удается, хотя и всегда, конечно, сопряжено съ болѣе или менѣе значительными жертвами. Вотъ другой примѣръ. Волынскій архіепископъ во славу истинно-русскаго націонализма воспретилъ браки православныхъ съ католиками. На Волыни, какъ извѣстно, проживаетъ довольно много крестьянъ-католиковъ, по языку, обычаямъ и образу жизни ничѣмъ не отличающихся отъ своихъ сосѣдей-православныхъ. И тѣ, и другіе—украинцы, живутъ „по-сосѣдски“, и браки между ними—обычное явленіе. Но вотъ вышло упомянутое запрещеніе, и это, какъ сообщаетъ корреспондентъ „Рады“, очень выгодно отразилось на бюджетѣ духовенства сосѣдней подольской епархіи. Въ послѣдней смѣшанные браки не воспрещены, и подольскіе батюшки тотчасъ учли свое въ нѣкоторомъ родѣ привилегированное по сравненію съ волынскими положеніе, возвысивъ цѣну за таинство брака до 50—100 рублей и даже болѣе ¹⁾. Для крестьянина это, можетъ быть, нѣсколько дорого, но для торжества православія что значитъ такая жертва со стороны католическаго населенія?..

Подобными примѣрами въ буквальный смыслѣ хоть прудъ пруди,—столько даетъ ихъ наша нынѣшняя, націоналистическая по преимуществу, дѣйствительность. Приводить ихъ въ большомъ количествѣ было бы совершенно

1) „Рада“, 1911 г., № 291.

излишне, ибо каждый может подобных же случаев сколько угодно припомнить из своей личной практики. Можно поэтому ограничиться двумя вышеприведенными примѣрами, чтобы разобраться въ нелишенномъ интереса вопросѣ: кому нужны націоналистическія мѣропріятія и каковы ихъ непосредственные результаты? Ректоръ-націоналистъ, запрещая евреямъ именоваться евреями, дѣйствовалъ, конечно, на пользу и во славу польскаго націонализма и ни въ коемъ случаѣ не желалъ содѣйствовать увеличенію арабскаго населенія. Точно также и волынскій владыка, нужно полагать, имѣлъ въ виду лишь торжество православія и истинно-русскихъ началъ, и, навѣрное, ему и въ голову не приходило о возможности увеличенія отъ придуманной имъ комбинаціи причтовыхъ доходовъ и притомъ въ сосѣдней епархіи. Однако, въ результатѣ націоналистическихъ мѣропріятій какъ-то само собой, нечаянно получилось не приумноженіе польскаго населенія въ Галичинѣ и не торжество православія и истинно-русскихъ началъ, а нѣкоторое, хотя и номинальное, приращеніе арабской національности и вполне реальное приумноженіе доходовъ подольскихъ батюшекъ. Результаты не соотвѣтствуютъ ни намѣреніямъ, ни затраченнымъ усиліямъ и сказываются совершенно неожиданными явленіями въ совершенно иной плоскости. Какое, спрашивается, дѣло ректору львовскаго университета до несуществующихъ въ Галичинѣ арабовъ или волынскому преосвященному до бюджета духовенства чужой епархіи,—а между тѣмъ на этихъ абстрактныхъ арабовъ и это чужое духовенство падаютъ вполне неожиданно выгоды націоналистической политики, минуя непосредственно заинтересованныхъ, ради которыхъ собственно и предпринимались тѣ или иные практическіе шаги. Получается въ концѣ-концовъ, что націоналистическіе замыслы даютъ въ результатѣ или круглый нуль, или же скромную, но вполне реальную выгоду для отдѣльныхъ классовъ или даже лицъ, для которыхъ она вовсе не предназначалась.

Въ этомъ заключается основной порокъ всѣхъ вообще націоналистическихъ замысловъ, рождающихся среди націй, національной жизни которыхъ ничто не угрожаетъ. Замыслы эти никогда не достигаютъ непосредственной цѣли, ради которой якобы возникаютъ, всегда размѣниваясь на рядъ мелкихъ, постороннихъ цѣлей, расплыясь гораздо

ранѣ достиженія какого-нибудь результата. Принципъ, ради котораго они вводятся въ жизнь, никогда не получаетъ поддержки, но люди, около этого принципа кормящіеся, всегда сумѣютъ извлечь мимоходомъ нѣкоторую выгоду для себя лично. На знаменахъ гордо развѣвается: „благо націи“, „торжество истинно-русскихъ началъ“, „борьба съ засильемъ“, но на практикѣ эти гордые лозунги роковымъ образомъ превращаются въ нуль для націи и торжество для лицъ, сумѣвшихъ присосаться къ знаменамъ. Больше ничего съ точки зрѣнія интересовъ господствующей націи не получается. Зато по адресу подозрѣваемыхъ въ томъ или иномъ „засильѣ“ и потому съ чистою совѣстью угнетаемыхъ возникаетъ могучее средство еще большаго угнетенія. Что касается послѣдняго, то результаты націоналистической политики несомнѣнны и настолько значительны, что въ суммѣ даютъ громадное общественное зло, въ нѣкоторомъ родѣ социальное бѣдствіе, послѣдствія котораго въ настоящее время трудно даже придвидѣть и учесть во всей полнотѣ ихъ. Противоестественно зародившійся и ненормально разбухшій націонализмъ господствующихъ націй, выражающійся исключительно актами насилія и произвола, лишенный совершенно творческихъ силъ и ограничивающійся разрушительнымъ вліяніемъ на уже сложившіяся отношенія, является, можно сказать, злымъ гениемъ современности. Вліяніе этого злого гения сказывается буквально во всѣхъ сферахъ современной жизни, и внимательному наблюдателю ея не приходится даже выискивать иллюстрацій для этого, такъ какъ онѣ сами бросаются въ глаза, переплетаясь въ самыхъ причудливыхъ сочетаніяхъ, являясь въ самыхъ изысканныхъ формахъ, придающихъ имъ зачастую анекдотическій характеръ. Одна бѣда: слишкомъ дорого обходятся эти современные анекдоты...

Читатель, навѣрное, помнитъ восторженный гимнъ великаго мастера слова русскому языку: „Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!—Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе при видѣ всего, что совершается дома?—Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!“ Воистину такъ!—повторите вы вслѣдъ за Тургеневымъ, такъ какъ знаете, что языкъ Тургенева,—вели-

кій, могучій, правдивый и свободный“ языкъ,—не силился стать таковымъ за счетъ другихъ языковъ: онъ самъ по себѣ великъ. Но вотъ г. Струве уже этимъ не удовлетворяется: для него русскій языкъ великъ по инымъ основаніямъ,—какъ нѣкоторая „аристократическая верхушка—потому что на немъ творили великіе художники слова, добытки нашей міровой славы, на немъ съ петербургскаго Синая изрекало свою волю великодержавное государство“¹⁾. И къ этимъ восторгамъ, такимъ образомъ выраженнымъ, вы, несомнѣнно, отнесетесь уже гораздо сдержаннѣе, если не совсѣмъ отрицательно. Слишкомъ уже бьетъ въ глаза „задаваніе“ дурного тона, безцеремонно и назойливо тыкающее вамъ своимъ превосходствомъ. Тѣмъ болѣе, если отъ этого напыщенного „петербургскаго Синая“ вы перейдете къ мелкой, повседневной практикѣ, особенно у насъ, на Украинѣ, богатой иллюстраціями, во что обращается „великій, могучій, правдивый, свободный“ языкъ.

„Съ петербургскаго Синая великодержавное государство“ изрекло между прочимъ такую свою неизмѣнную волю и въ послѣднее время неоднократно ее подтвердило, чтобы на Украинѣ вся общественная жизнь, всѣ публичныя учрежденія, всѣ присутственныя мѣста, всѣ школы пользовались исключительно русскимъ языкомъ. Въ силу необходимости принуждено этимъ языкомъ въ официальныхъ случаяхъ пользоваться и населеніе. И пользуется. И получается не тотъ языкъ, которымъ по справедливости восторгался такой художникъ слова, какимъ былъ Тургеневъ, а нѣчто до такой степени уродливое, чудовищное и гнусное, чему нѣтъ на человѣческомъ языкѣ достаточно выразительнаго имени. „Просятъ повернуть Сибѣ на лѣво“. „Чичась суда переходитъ портной мѣдникъ“. „Стрижетъ и брѣетъ бородавка“. „Ноголечебныя кабинетъ. Ортопедическій сапожникъ. Лечить посредствомъ обуви всѣхъ болѣзней ноги“²⁾. Это маленькая коллекція изъ вывѣсокъ въ губернскомъ городѣ Житомирѣ, гдѣ администрація неукоснительно блюдетъ, дабы вывѣски были на русскомъ, а не на инородческихъ языкахъ. „Когда я хотѣлъ ити въ школу меня не пускали я зачалъ просить матери и они

1) „Русская Мысль“, 1912, кн. I, стр. 79.

2) „Рада“, 1911, № 271.

меня пустили. Когда мы пришли на елку мы осматривали ее при свѣтломъ видѣ. Потомъ заткали окна и зажгли на елкѣ свѣчи и мы тогда осматривали при огненномъ видѣ“¹⁾. Это пишетъ оканчивающій школу ученикъ, который, слѣдовательно, достигъ уже вѣнца своихъ познаній въ русскомъ языкѣ и едва ли будетъ въ состояніи пойти въ нихъ впередъ, а не назадъ. По крайней мѣрѣ, опытъ показываетъ, что сплошное большинство украинской грамотной массы говоритъ и пишетъ по-русски не лучше, а хуже приведенныхъ примѣровъ, что русскій языкъ, прививаемый обрусительной школой, солдатчиной, официальными учрежденіями, вліяніемъ образованныхъ словъ и т. д., обнаруживаетъ всѣ признаки вырожденія и съ внѣшней, и съ внутренней стороны, свидѣтельствующаго объ упадкѣ всего мыслительнаго аппарата, орудіемъ котораго является живое слово. Это опасность, о которой дѣйствительно стоитъ подумать и по сравненію съ которой львовскіе арабы лишь невинная шутка.

Безграмотность денаціонализующейся массы не является той чисто внѣшней безграмотностью, которая свидѣлствуетъ лишь о томъ, что данное лицо не усвоило извѣстныхъ грамматическихъ правилъ,—послѣднее вѣдь не препятствуетъ проявляться особенному чутью, духу языка, сообразоваться съ тѣми его требованіями, которыя всасываются съ молокомъ матери. Наоборотъ, замѣчено, что лица, совершенно неграмотныя и благодаря этому не подвергшіяся денаціонализаторскимъ вліяніямъ, говорятъ обыкновенно правильнымъ, красочнымъ, въ высшей степени образнымъ и живымъ языкомъ. Въ данномъ случаѣ безграмотность проникаетъ глубже и охватываетъ проявленія всей духовной жизни денаціонализованнаго субъекта; это органическая безграмотность, безграмотность духа, обезпложивающая творчество человѣка. Ни школа, ни всѣ инныя вліянія во всей своей совокупности не въ состояніи вытравить изъ души украинца всосанное имъ съ молокомъ матери,—они лишь внушаютъ презрѣніе къ этому неощенному наслѣдію и въ замѣну даютъ нѣсколько десятковъ, въ лучшемъ случаѣ сотенъ, чужихъ словъ, которыми и предлагается выражать всѣ человѣческія понятія. Недостающее черпается по необходимости изъ того же запаса родного

1) „Рада“, 1912, № 14.

языка, но въ такомъ истерзанномъ и искалѣченномъ видѣ, который у людей со вкусомъ и съ чутьемъ языка можетъ вызвать лишь крайнее отвращеніе. Извѣстны особенно ходкія слова вкусившаго отъ плодовъ обрусенія украинца: скрозь (укр. скрізь—вездѣ) и образованное по типу этого извѣстнаго ему органически вездѣ, вонъ (смѣшеніе великорусск. онъ и украинск. він), жонка (укр. жінка и великорусск. жена) и т. д. безъ конца, которыми пестритъ рѣчь такого украинца. Что можетъ онъ дать на этой убогой и отвратительной смѣси двухъ языковъ, недостаточной для выраженія даже повседневныхъ понятій,— онъ, который на каждомъ шагу запинается, инстинктивно чувствуя, какъ обрывается связь между его мыслями и словами? Поставить въ такое положеніе человѣка вѣдь это въ буквальномъ смыслѣ значитъ „выѣсть“, говоря словами Успенскаго, душу изъ него, опустошить сознаніе, оставивъ обладателя такого опустошеннаго сознанія „актрость вѣтромъ колеблیمую“ на жертву всѣмъ мимоидущимъ вліяніямъ. Упадокъ духовной жизни, творчества и оригинальности, умственная и нравственная неустойчивость, подверженность всѣмъ преходящимъ, большею частью губительнымъ вліяніямъ—вотъ результаты такой обезличивающей политики. Плоды ея въ украинской деревнѣ сказываются съ каждымъ днемъ ярче. Съ одной стороны, упадокъ родного творчества, съ другой—все растущее на почвѣ солдатско-лакейской цивилизаціи циническое хулиганство и полное безразличіе къ истинно-человѣческимъ запросамъ,—вотъ неразлучные спутники проникающаго сюда обрусенія. Политика, задающаяся цѣлью разводить ублюдковъ, иныхъ результатовъ, конечно, и не можетъ дать. Ублюдочныя, нежизнеспособныя, отвратительныя формы жизни—вотъ предъ какой опасностью стоимъ мы и, сами того не замѣчая, подталкиваемъ къ ней народъ да еще и восторгаемся распространеніемъ въ народѣ грамотности, за весьма немногими исключеніями приводящей въ сущности къ сугубой, квалифицированной безграмотности, опощленію и оподленію всего нравственнаго существа народа. „Вѣдь это тебя нарочно исказили. Вѣдь это тебя нарочно приучили, чтобы душу у тебя вынуть, а ты и не видалъ этого?“—вспоминается вопросъ одного изъ героев Успенскаго. И этотъ вопросъ въ особенности умѣстенъ по отношенію къ такъ-называемой общерусской интеллигенціи на

Украинѣ, вольно и невольно содѣйствующей обрусенію и, значить, опошленію и оподленію украинскаго народа.

„Не хочу ломать русскаго языка малороссійскимъ, ибо вездѣ смѣются, что мы не умѣемъ говорить правильно по-русски“¹⁾),—вотъ обычное оправданіе пассивныхъ обрусителей изъ „общества“. Они, видите ли, блюдутъ чистоту языка, котораго въ сущности тоже не знаютъ; они такъ чувствительны къ насмѣшкамъ по поводу этого незнанія... Скажите, пожалуйста, какая трогательная заботливость и какая институтская чувствительность! „Да вы бросьте этотъ хамскій языкъ! Это языкъ хамовъ, невѣждъ,—культурные же люди всегда говорятъ по-русски“²⁾),—уже со злостью кричить обруситель активный, въ своемъ поистинѣ хамскомъ самоотверженіи не стѣсняющійся цѣловать туфлю чужой культуры только потому, что она чужая. Обратите только вниманіе на эти ходячіе аргументы людей изъ такъ-называемаго общества на Украинѣ. Какъ можно говорить о какомъ-нибудь самоуваженіи, чувствѣ собственнаго достоинства, безъ котораго не можетъ быть и чувства гражданственности, въ виду подобнаго настроенія? И эти люди съ опустошенной душой предъявляютъ претензіи на то, чтобы продѣлать ту же операцію и надъ народомъ. И продѣлываютъ... Вѣдь, примѣръ, заразителенъ,—и неудивительно, что воспитанники этихъ господъ, получившіе образованіе въ казармахъ и оказармленныхъ школахъ, въ духовной опустошенности соперничаютъ со своими воспитателями.

Къ счастью, далеко не всѣ; къ счастью, далеко не вездѣ и не всегда люди изъ народа проникаются лакейскими соображеніями; къ счастью, народная стихія въ цѣломъ упорно отстаиваетъ свое не только національное, но и просто человѣческое достоинство, сопротивляясь организованному походу съ цѣлью вынуть у него душу и замѣнить ее выработанной въ разнообразныхъ обрусительныхъ лабораторіяхъ трафареткой. И этотъ благородно-консервативный процессъ сохраненія жизни получаетъ въ послѣднее время все усиливающуюся поддержку въ видѣ проникающей въ нашу деревню украинской книги, газеты и вообще дѣятельности національно сознательной интеллигенціи.

1) „Рада“, 1912, № 23.

2) „Рада“, 1912, № 120.

Предо мной лежит цѣлая кипа газетныхъ и иныхъ сообщений о томъ, какъ благотворно вліяетъ на народныя массы этотъ новый факторъ общественной жизни, какъ подъ его вліяніемъ очень часто перерождаются даже тѣ, которые уже претерпѣли-было болѣзненную операцію опустошенія сознания. Къ сожалѣнію, мнѣ не остается уже достаточно мѣста, чтобы использовать этотъ матеріалъ здѣсь полностью, и я ограничусь лишь однимъ изъ многихъ голосомъ изъ среды такихъ прозрѣвшихъ людей. „Наша молодежь,—пишутъ, напр., въ газету „Світова Зірниця“ съ хутора Ново-Владимірки Харьковской губ.,—проводившая прежде все свободное время за картами и бездѣльемъ, теперь сидитъ дома надъ листкомъ газеты и читаетъ строка за строкой, не опуская ничего. Есть и такіе, которые, прочитавъ газету, берутся за перо и пишутъ каждый своей редакціи, что кому придетъ на мысль. И такъ изъ насъ нѣсколькихъ выходитъ какъ одинъ человекъ. А отчего мы становимся такими дружными, живемъ одной мыслью? Отъ этихъ самыхъ газетъ, которыя учатъ насъ всему, чему только можетъ научить человекъ человека. Эти газеты—онѣ для насъ какъ отецъ и мать: онѣ наши совѣтчики добрые“¹⁾. Въ трогательно-непосредственной формѣ, къ слову сказать, очень потерявшей въ своей красочности вслѣдствіе перевода, здѣсь ярко отмѣчена та громадная роль возрожденія собственного достоинства, очеловѣченія, связыванія распыленной массы въ единомушный организмъ, воспитыванія гражданственности, какую выполняетъ въ настоящее время дѣятельность національно сознательныхъ людей. Сравните только эту скромную дѣятельность съ крикливыми заявленіями обрусителей, ея плоды съ отмѣченными выше результатами денационализаціи и вы ясно почувствуете, гдѣ пролегалъ для украинскаго народа путь настоящаго развитія.

Медленно двигается онъ этимъ путемъ, неся огромныя жертвы, платя тяжелую подать фетишу неосмысленной государственности и націоналистическимъ капризамъ. Жертвы эти, изнуряя и ослабляя народный организмъ, вполнѣ бесплодны для націонализма господствующей народности. Мы видѣли, во что обращается „великій, могучій, правди-

¹⁾ Цит. по „Радѣ“, 1912, № 18.

вый и свободный русскій языкъ“ въ устахъ денационализованной, потерявшей собственную устойчивость массы. Передъ нами прошли примѣры безграмотности духа, вызванной націоналистическими претензіями „обрусить все нерусское“. Мы остановились, наконецъ, на тѣхъ жертвахъ, которыя приносить украинскій народъ принципу обрусенія,—жертвахъ, бесплодныхъ даже для самого обрусенія и дающихъ, быть можетъ, реальную выгоду лишь отдѣльнымъ рыцарямъ его, строящимъ на этихъ жертвахъ свои матеріальные и курьезные расчеты. Съ другой стороны, мы видѣли и значеніе истинно-просвѣтительной дѣятельности, въ основу которой заложено уваженіе къ національному и человѣческому достоинству народа, и которая потому поднимаетъ его въ собственныхъ глазахъ, приводитъ его къ самоуваженію и истинной гражданственности. Позволительно спросить въ заключеніе, ради чего приносятся указанные жертвы и не лучше ли считающимъ себя выше народа по образованію и развитію разъ навсегда покончить съ глупымъ и вреднымъ предрасудкомъ, раздѣляющимъ народности на культурныя и некультурныя, причемъ послѣднія обязаны служить навозомъ для первыхъ, поступаясь всѣмъ своимъ исторически сложившимся и выстраданнымъ строемъ? Кромѣ всего прочаго, послѣднее вѣдь и невозможно, принадлежа къ числу поистинѣ „безсмысленныхъ мечтаній“,—для чего же въ немъ упорствовать?

„Каждый человѣкъ, оставившій Украину, каждая копейка, истраченная не на украинское дѣло, каждое слово, сказанное не по-украински, является затратой изъ украинской мужицкой сокровищницы,—затратой, которая при настоящихъ условіяхъ обратно въ нее не возвратится“,—писалъ десятилѣтія тому назадъ Драгомановъ. Пора, наконецъ, прекратить это безсмысленное мотовство, эту ничѣмъ не оправдываемую расточительность, производя никому ненужныя и невознаградимыя затраты, притомъ, въ сущности, за чужой счетъ.

С. Ефремовъ.